

В.Н.Гудкин-Васильев
РГАВМФ

НА АРХИВНОМ ПОПРИЩЕ (И.К.Григорович)

6 марта 1917 г. известный впоследствии архивный деятель и один из основоположников теории и практики архивного дела, а в 1917 году делопроизводитель Архива Морского министерства Георгий Алексеевич Князев со слов жены записал в дневнике: "Григорович совершенно подавлен. Он осунулся и постарел. Все происшедшее очень тяжело повлияло на него. Большую часть времени в эти дни и ночи он пережил в Генеральном штабе и ночевал там на диване. Пост Министра он окончательно отказался принять..."¹

На этом посту Григоровича сменил и 3 марта 1917 г. в управление Министерством вступил его недавний оппонент при прохождении Малой судостроительной программы в Государственной Думе Александр Иванович Гучков.

22 марта он направил Григоровичу письмо, в котором, ссылаясь на "обстоятельства текущего момента", предложил ему подать прошение об отставке².

Приказом Армии и Флоту о чинах военных флота и морского ведомства № 14 от 31 марта 1917 г. член Государственного Совета адмирал Григорович был уволен от службы с формулировкой "по расстроенному здоровью с мундиром и пенсией", все хлопоты о назначении которой в 1917 г. остались безрезультатными.

Еще одна запись в дневнике Князева за 10 марта 1917 г.:

"Был с депутацией от Архива у бывшего Морского министра. Ходили – начальник Михаил Никифорович Варфоломеев и Сергей Михайлович Щеголев. Министр принял нас в громадном зале, выйдя к нам из внутренних комнат с двумя собачками. Начальник обратился к нему с речью. Голос его дрожал и срывался, говорил очень тихо. Я думал, что начальник не сможет кончить речи и разрыдается. Он сказал, как Министр много сделал для Архива, какие ценные приобретения сделаны Архивом за это время и как расширялся Архив.

Министр ответил, что все свои силы отдавал на служение родному флоту и с грустью взирает на то, что приходится теперь прервать налаженную работу. Сказав это, он пожал всем нам руки и быстро ушел.

Внешне Министр был спокоен, он с некоторым, едва заметным волнением слушал, что говорил ему начальник, и сразу, как только тот немно-

¹ Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции (1914–1922 гг.) / публ. А. В. Смолина // Русское прошлое: Историко–документальный альманах. Кн. 2. СПб., 1991. С. 135.

² РГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1 Д. 1. Л. 21.

го замолк, начал свой ответ. Он говорил твердо и ровно, по-видимому, уже трафаретный для него ответ. Собачки все время кружились вокруг нас и одна несколько раз лизнула мне руку.

Михаил Никифорович был так растроган, что не смог удержать слез и чуть не разрыдался. Мы пошли через пустой громадный зал к выходу. На самом видном месте зияла пустотой громадная золоченная рама. Тут был во весь рост портрет Государя. Теперь он вынесен. И как-то не верилось этому...³

Никто из участников этой грустной, казалось бы последней, встречи не мог тогда предугадать, что в недалеком будущем им предстоит трудиться на одном поприще, а их коллегами станут бывшие адмиралы Александр Иванович Русин и Константин Васильевич Стеценко.

После увольнения с поста Морского министра и в отставку Григорович имел возможность выехать за границу, но не воспользовался ею и, вероятнее всего, даже не помышлял об этом.

Ему довелось встретиться со множеством незнакомых прежде бытовых трудностей и неприятных для него моментов. Лично против него Временным правительством не было выдвинуто каких-либо обвинений. Но летом 1917 г. ему неоднократно приходилось давать показания следствию по ряду не всегда справедливых претензий к разным сторонам деятельности морского ведомства в бытность его Министром. Вопросы, относящиеся к периоду его прошлой деятельности, время от времени появлялись у следственных органов и после Октябрьской революции. В начале марта 1918 г. он вызывался на допрос в Верховную морскую следственную комиссию в качестве свидетеля для показаний по делу о покупке в 1916 г. у Японии бывшего русского эскадренного броненосца «Пересвет», зачисленного в класс крейсеров, выяснении обстоятельств его плавания и гибели в Средиземном море в январе 1917 г.

С первыми серьезными бытовыми неприятностями Григоровичу довелось встретиться в самом преддверии зимы в октябре 1917 г. Только после его многократных и настойчивых ходатайств управделами наследников князей Голицыных 13 октября наконец-то уведомили его, что, хотя расходы по вставлению и заделке зимних рам обычно производятся самими жильцами, но поскольку рамы в квартире на Надеждинской, где Григорович поселился с семьей, не выставлялись уже давно, старшему дворнику дано распоряжение сделать все возможное для утепления окон, а заодно исправить и дверь.

В новой и во многом непонятной для него действительности Григоровичу еще предстояло найти место приложения своего опыта и сил, сделать выбор среди поступавших ему предложений. Так, в ноябре 1918 г. существовавший с 1908 г. и вновь зарегистрированный Культпросветотде-

³ Князев...

лом Василеостровского совдепа Комитет морских экскурсий обращался к Григоровичу с предложением принять на себя председательство в Комитете, который в прошлом неоднократно пользовался его «доброжелательным содействием и просвещенными указаниями» и теперь готов приступить к исполнению своих задач, опираясь на общеизвестную трудоспособность Григоровича, его «морскую опытность и благожелательность к молодежи»⁴.

Впоследствии, в постскрипуме автобиографии, написанной 4 марта 1920 г., старший архивист Морского архива Иван Константинович Григорович укажет, что: "Средств к жизни, за аннулированием небольшого капитала в Государственном банке, не имеет. Пенсию не получал. Живет получением небольшого содержания по должности, продажей своего имущества и рисованием"⁵.

А в 1917 г., впервые в жизни оказавшись не у дел, Григорович решил писать воспоминания о себе и своей службе во флоте. По роду этой деятельности он был принят в члены Кассы взаимопомощи литераторов и ученых.

Воспоминания, дополнением и доработкой которых Иван Константинович, возможно, занимался и в последующие годы, были написаны к весне 1919 г. Они писались исключительно по памяти, без обращения к документам, которых у него не было⁶. Дневники, которые он вел с 1893 г., пропали в дни Февральской революции при изъятии документов из бывшей квартиры Морского министра в Адмиралтействе. В мае 1919 г., рецензируя рукопись, главный редактор Редиздата морведа В.Е.Егорьев отметил: «Необходимо предисловие, в котором автор изъяснил бы сам, как написаны эти заметки. По дневникам ли или по личным воспоминаниям, и в какой период времени. В зависимости от этого удельный вес их различен»⁷.

Историческая ценность воспоминаний была поставлена под сомнение начальником Морской академии Н.Л.Кладо. В его отзыве, написанном за месяц до смерти, о самом Григоровиче сказано: «Без всякого сомнения дельный и умный человек, на много голов выше всех своих предшественников... многое знает такого, что в документах не помещено – знает настоящие, а не видимые, причины многих событий, понимает очень хорошо людей...», но «ничего этого он не написал просто из опасения: как посмотрит на это будущий историк, ибо неизвестно, кто оный будет – коммунист или монархист... Его не упрекнет будущий историк монархист, но не упрекнет и коммунист, ибо он скорбел о младшем брате»⁸.

⁴ РГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 1 об.

⁵ РГАВМФ. Ф. 749. Оп. 1. Д. 369. Л. 75.

⁶ Там же. Ф. 701. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 72. Л. 105.

⁸ РГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 72. Л. 106–107.

Когда писались эти строки Иван Константинович уже являлся архивистом с десятидневным стажем. Его архивная деятельность началась 1 июня 1919 г. В этот знаменательный день первой годовщины Декрета о реорганизации и централизации архивного дела в стране Григорович стал сотрудником Петроградского отделения Главного управления Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ) и с 23 июня вошел в состав Совета его Военного научно-издательского отдела. Являясь структурным подразделением III секции ЕГАФ и Наркомата просвещения, Отдел претендовал на то, чтобы считаться преемником бывшего Императорского военно-исторического общества, наследником его идей, научного материала и имущества. В перспективе он рассчитывал стать военно-научным центром, преобразоваться в Институт или Академию военных наук, располагая для этого всеми возможностями, так как сумел привлечь к своей работе большие научные силы в лице военных и гражданских профессоров и многих известных деятелей. Пополнение его новыми членами осуществлялось по ведущемуся в Отделе кандидатскому списку. В него включались лица, рекомендованные членами Отдела и признанные достойными после гласного обсуждения кандидатур на общем совещании.

С 15 июля 1919 г. Иван Константинович некоторое время был ученым секретарем Отдела. Затем, оставаясь членом его Совета, он в должности редактора возглавил созданную им в августе 8-ю (Военно-морскую) секцию. Она была образована за счет временного упразднения должности ученого секретаря, обязанности которого принял на себя управляющий Отделом бывший генерал-лейтенант профессор Баиов.

В задачу секции входило исследование вопросов подготовки России к первой мировой войне в военно-морском отношении и, в частности, выяснение взаимоотношений и согласованности действий флота и сухопутных сил, а также влияния на подготовку населения к войне средств печати и публичной демонстрации намерений. Секция окончательно сформировалась и приступила к работе к началу сентября. Ее сотрудниками стали Н. Н. Беклемишев, К. В. Стеценко и А. И. Русин, взявший на себя исследование материалов подготовки Большой судостроительной программы и перевод парламентского отчета о неудачной Месопотамской экспедиции англичан.

На стадии сбора материалов работа секции осложнялась тем, что изучением и исследованием опыта мировой войны занималась созданная при Морской академии Морская историческая комиссия, которая имела для этого большой штат и сосредоточила у себя необходимые ей документы.

Помимо руководства разработкой тем, редактирования представляемых работ и периодической отчетности о ходе исследований, Григорович занимался корректированием русско-английского и англо-русского тех-

нического словаря К.К.Деливрона, рукопись которого Отдел решил приобрести от ее владелицы.

Так же активно работал он и в созданной в августе 1919 г. 9-й (библиотечной и библиографической секции), членом которой являлся. Для создания в самый кратчайший срок военно-научной библиотеки Отдела секция усиленно занималась поиском и организацией доставки книг и периодических изданий из учрежденческих и частных библиотек, их инвентаризацией, систематизацией и каталогизацией.

С участием Григоровича были подготовлены библиографии материалов по разным специальным вопросам, а по заданию Секретариата председателя Реввоенсовета Л.Д.Троцкого им, совместно с профессорами А.К.Баиовым и Н.П.Михневичем, составлены библиографические указатели капитальных трудов и справочных изданий по военным наукам.

В формируемую при Отделе библиотеку книги поступали и от многих дарителей, в том числе и от Троцкого. Сам Иван Константинович передал ей часть своего книжного собрания.

В те полуголодные осенне-зимние месяцы 1919 г. жить и работать приходилось в невероятно трудных условиях. Петроград находился на осадном положении. Были крайне ограничены возможности передвижения по городу и затруднена связь с его окрестностями, где проживала часть сотрудников. По месту жительства они привлекались к дежурствам и общественным работам. Их беспокоили частые, преимущественно ночные, тревоги при посещении жилья представителями исполнительной власти, уплотнение квартир, появление в них подселенцев. К тому же едва ли не все сотрудники Отдела относились к малонадежной, с точки зрения властей, категории «бывших».

В рабочих помещениях не было электричества и отопления. С наступлением холодов работать приходилось в верхней одежде, не снимая и перчаток. В некоторые дни температура в комнатах падала ниже нулевой отметки. Замерзали чернила, приходилось писать карандашами⁹.

"...мое здоровье в последнее время лишает меня возможности посещать вверенный Вам Отдел", писал Григорович 2 декабря 1919 г. в очередной докладной записке под № 42, сообщая, что в течение ноября все начатые секцией работы продолжались, но шли чрезвычайно медленно вследствие тяжелых материальных условий¹⁰.

В этот день из Москвы пришло известие о предстоящей ликвидации Отдела. По распоряжению начальника Главархива Д.Б.Рязанова его сотрудники переводились из Петроградского отделения в разные архивы города. Ликвидация должна была завершиться к 1 января 1920 г. Распоряжением по Главархиву редактор Военного научно-издательского отдела И.К.Григорович, ученый секретарь К.В.Стеценко и научный сотрудник

⁹ РГАВМФ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 121.

¹⁰ Там же. Л. 249.

А.И.Русин переводились во 2–е отделение III секции ЕГАФ, то есть в Морской архив, на те же оклады¹¹. С 1 января 1920 г. все трое были зачислены в его штат – Григорович и Стеценко старшими архивистами, Русин научным сотрудником¹².

Иван Константинович в это время еще был болен. О своем назначении, характере и условиях предстоящей ему работы он узнал только в самом конце месяца из писем начальника Архива А.И.Лебедева от 28 и 30 января. Подтверждая его зачисление, Лебедев писал Григоровичу, что по поручению управляющего Коллегией Петроградского отделения Главархива академика С.Ф.Платонова на него будет возложено завершение и представление в Главархив в Москве работ, выполнявшихся в руководимой им в 1919 г. Военно–морской секции. Сообщая, что для этого в здании Сената ему, вероятно, будет предоставлен бывший кабинет профессора Баиова, Лебедев предупреждал Григоровича, что «теперь во всем этом здании такой холод, что час в нем пробыть одно мучение, нельзя снимать не только пальто, но калош, шапки, перчаток и т.п., так что пребывание в нем безусловно повлечет простуду», а приступить к работе он может тогда, когда позволит состояние его здоровья¹³.

По договоренности с Григоровичем Лебедев поначалу намеревался дополнительно поручить ему какую–то значительную работу, не требовавшую его обязательного присутствия в Архиве, где он мог бывать, когда позволяли здоровье, погода или в случае необходимости. Для ее выполнения требовалось очень большое число памятных книжек и справочных изданий за разные годы. Но доставить их Григоровичу Архив не смог за отсутствием транспорта и от этого замысла пришлось отказаться.

Тогда Ивану Константиновичу было предложено продолжить прерванную Лебедевым в 1916 г. работу по подготовке к печати пятого выпуска «Материалов для истории Гангутской операции» и взять на себя составление именного и судового указателей ко всем выпускам. Для этого ему на квартиру были посланы правила составления указателей и образцы карточек¹⁴.

Что касается оклада, который Григорович получал по скромной, но высокой для архивиста тарифной ставке 26–й категории, то деньги, по мере их поступления, доставлялись ему домой кем–либо из служащих Архива, передавались с дочерьми, посылались через начальника Морской академии А. Н. Крылова, в квартире которого на Петроградской Григорович жил зимой 1920 г., или через членкора Академии Наук историка А. Е. Преснякова, проживавшего в одном с ним доме на Надеждинской.

¹¹ РГАВМФ. Ф. Р–749. Оп. 1. Д. 369. Л. 9.

¹² Там же. Д. 340. Л. 2.

¹³ Там же. Ф. 701. Оп. 1. Д. 47. Л. 45, 45 об.

¹⁴ Там же. Л. 55.

Самым же большим затруднением бытового порядка стала для Григоровича сложная процедура получения ежедневного дополнительного пайка. Эти 100 граммов хлеба выдавались сотрудникам только после окончания каждого проработанного ими дня, что подтверждалось штампом учреждения и собственноручной росписью получателя. Для этого уже в пятницу 30 января 1920 г. Ивану Константиновичу непременно нужно было самому явиться в здание Сената, чтобы расписаться в раздаточном списке и на будущее уполномочить кого-нибудь расписываться его именем.

С марта 1920 г. он получал продовольственную карточку горьковской Комиссии улучшения быта ученых. В период службы в Архиве Иван Константинович был принят в профсоюз работников просвещения и социалистической культуры.

28 июня 1920 г. в Архив пришло и в тот же день было переадресовано Григоровичу письмо Б.Б.Жерве о назначении его постоянным сотрудником Морской исторической комиссии при Морской академии с зачислением на паек¹⁵. На следующий же день руководство Архива уведомило Морском о том, что местом основной службы гражданина И.К.Григоровича является Морской архив, где он состоит на штатной должности старшего архивиста, но пайка по ней не получает. Совмещая эту должность с работой в Морском в качестве эксперта, Иван Константинович в июне 1920 г. был избран и преподавателем курса морской практики на Навигационном отделении преобразованного в Высшую школу водного транспорта бывшего Кораблестроительного факультета Политехнического института.

Сохранилось трогательное письмо, в котором 9 ноября 1920 г. от имени архивных коллег Григоровича Лебедев писал ему: «Служащие архива, собравшиеся сегодня, в день своего праздника – Св. Нестора Летописца, за чашкой чая, просили меня передать Вам свое огорчение, что были лишены возможности видеть Вас в своей среде и просят принять Вас прилагаемый кусок сладкого пирога, часть общего угощения, как знак глубокого к Вам уважения»¹⁶.

Получая и выполняя новые задания, Григорович продолжал корректировать словарь Деливрона, который считал основой будущего полного технического словаря, и занимался переводом писем иностранных торговых фирм, заводов, обществ, акционерных компаний и разных лиц скончавшемуся в 1889 г. капитану 1 ранга Л.И.Семечкину. Интересуясь ходом этой работы, Лебедев советовал Григоровичу не переводить их полностью, если они не представляют особого интереса, а ограничиться аннотированием и изложением содержания¹⁷.

¹⁵ РГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 47. Л. 51.

¹⁶ Там же. Л. 51.

¹⁷ РГАВМФ. Ф. 701. Д. 47. Л. 52, 52 об.

По многим специальным вопросам он был незаменим для Архива в качестве консультанта и эксперта. Так, весной 1921 г. Лебедев обращался к Григоровичу за крайне важной на тот момент справкой: когда и для чего составлен и насколько точен изъятый в 1917 г. из его кабинета в Адмиралтействе и поступивший в Архив альбом генеральных планов портов 1912 г., возможна ли на основании этих данных защита прав морского ведомства на принадлежавшие ему земли и недвижимое имущество?¹⁸

Штатным сотрудником Морского архива Иван Константинович числился до глубокой осени 1921 г.

В октябре 1921 г., в связи с сокращением штатов, Григорович и большая группа сотрудников Архива были отчислены от службы и исключены из платежных ведомостей. Но его желание продолжать архивную деятельность на любых условиях было поддержано руководством Архива. Он был оставлен на службе сверхштатным научным сотрудником Петроградского отделения Главархива, но без денежного содержания, т.е. числящимся во всех списках за исключением ведомостей на жалование. Сообщая ему об этом по поручению академика С.Ф.Платонова, ходатайствовавшего перед Москвой о разрешении этого вопроса в наиболее желательном для Григоровича виде, Лебедев 13 ноября 1921 г. писал: «...спешу выразить Вам свою искреннюю радость считать Вас по-прежнему научным сотрудником нашего отделения»¹⁹.

В конце года Ивану Константиновичу было поручено составление описей и обозрений архивных материалов по истории флота и морского ведомства в собраниях и коллекциях Рукописного отделения Российской публичной библиотеки. В удостоверении за подписью Платонова, выданном 23 декабря 1921 г., содержалась просьба к руководству и ответственным работникам библиотеки об оказании Григоровичу всяческого содействия в выполнении этой работы и предоставлении ему для ознакомления и изучения описей, алфавитов, каталогов и самих материалов, поступивших в библиотеку²⁰. Это был последний этап его деятельности на архивном поприще. Дальше начались сложные и долгие хлопоты о разрешении на выезд для лечения за границу. За него ходатайствовали и представители высшего командования Морскими силами страны В.И.Зоф и А.В.Домбровский²¹.

«Глубокоуважаемый Иван Константинович. Не посетуйте на мою чрезвычайную перед Вами невежливость и молчание на ваше письмо, — писал ему Домбровский из Москвы 21 июля 1923 г. Я только что вышел из больницы, где мне делали тяжелую операцию, и на короткий срок берусь за дела. Относительно Вашего выезда за границу я не мог найти нигде ни-

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 54. 54 об.

²⁰ Там же. Д. 2. Л. 6.

²¹ Там же. Д. 42. Л. 111–112.

какой у нас переписки. Видимо, она затерялась. Не откажите все необходимые материалы и Ваше заявление с просьбой о выезде за границу прислать в Москву на имя Комиссара Морских Сил Республики Вячеслава Ивановича Зоф (лично). Я докладывал ему весь этот вопрос и он обещал полную свою поддержку»²².

Все эти годы Иван Константинович часто и подолгу болел, дважды перенес крупозное воспаление легких, мучался болезнью ног. По воспоминаниям архивных старожилов, помнивших Григоровича, в холода он ходил в старых подшитых валенках, стеснялся своей изрядно поношенной одежды. В феврале 1922 г. в одном из частных писем с напоминанием об обещании как-нибудь придти пообедать, он приглашался к столу в ближайшую субботу к половине пятого «как всегда совершенно запросто, в валенках»²³.

В январе 1923 г., отвечая на письмо Григоровича с известиями о себе, кто-то из его зарубежных знакомых писал ему: «...рад слышать, что Вы работаете и что Ваши дочери при Вас. Единственное счастье в наши дни быть с теми, кого любишь»²⁴.

Но у же в апреле 1923 г. Иван Константинович не смог участвовать в торжественном заседании в конференц-зале Морской академии, посвященном юбилею «Морского сборника». На приглашении Редиздата Моркома он написал: «Глубоко сожалею, что здоровье не позволяет мне присутствовать на 75-летнем юбилее «Морского сборника», почему, благодаря за приглашение, прошу принять мои приветствия и поздравление с пожеланием Сборнику дальнейшего его процветания на пользу флота России, столь необходимого для Государства, для его обороны морских границ и охраны своих коммерческих судов на всех водах мира»²⁵.

Незадолго до отъезда из Советской России в письме начальнику Морского штаба РККФ А.В.Домбровскому Иван Константинович 29 мая 1924 г. писал: «Никаких преступлений я за всю свою службу Империи не совершал, был всегда лоялен, и тем паче к Советскому правительству. Никаких связей с Белой гвардией не имел...»²⁶.

Впоследствии, живя во Франции, Григорович «стоял в стороне от общественных эмигрантских кругов», но был небезучастен к судьбе изгнанников, горячо и живо откликался на все волновавшие их события, много читал, внимательно следил за публикациями на морские темы в периодической печати и зарубежных эмигрантских изданиях. Об этом говорил его бывший архивный сослуживец адмирал А. И. Русин в воскресенье 13 апреля 1930 г., открывая заседание Правления Всезарубежного объеди-

²² Там же. Л. 112.

²³ РГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 59. Л. 129.

²⁴ Там же. Л. 143.

²⁵ Там же. Л. 141.

²⁶ Там же. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 556. Л. 34-35.

нения русских морских организаций и Комитета старшин кают–компаний морских офицеров в Париже, посвященное памяти скончавшегося 18 февраля 1930 г. в Ментоне последнего Морского министра дореволюционной России. В докладе и выступлениях на этом заседании выражалась уверенность, что в будущей морской истории России имя Григоровича займет почетное место²⁷.

Иван Константинович хотел быть погребенным на Никольском кладбище Александро–Невской лавры в Петербурге. На плане склепа, справа от могилы жены, он обозначил место для своего упокоения и написал: «Здесь прошу моих детей похоронить меня»²⁸.

Почетный гражданин отторгнутых от России городов Ревеля, Николаева и Севастополя Иван Константинович Григорович, прах которого покойся на чужбине, достоин того, чтобы его желание было исполнено.

Источники и литература:

РГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 1. Л. 21; Д. 2. Л. 6, 16–22; Д. 42. Л. 111–112; Д. 47. Л. 47–56; Д. 59. Л. 120, 143; Д. 69. Л. 20; Д. 72. Л. 105–107; Д. 73. Л. 1. Ф. 24. Оп. 1. Д. 121. Ф. Р–749. Оп. 1. Д. 340. Л. 2; Д. 367. Л. 16; Д. 369. Л. 9, 75, 170, 202; Д. 426. Л. 152. Ф. Р–5. Оп. 1. Д. 556. Л. 34–36.

Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции (1914–1922 гг.) / публ. А. В. Смолина // Русское прошлое: Историко–документальный альманах. Кн. 2. СПб., 1991. С. 135, 144–145;

Морской журнал. Изд. Кают–компаний в Праге. 1930, № 29 (5). С. 2–9, 16–18;

Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2002. С. 218–222.

²⁷ Морской журнал. Изд. Кают–компаний в Праге. 1930, № 29 (5). С. 2–9, 16–18.

²⁸ РГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 69. Л. 20.